

45 минут на 45 вопросов

Портрет любого серьезного фестиваля, как мозаика, складывается из множества черточек и красок, начиная с сюрпризов экрана и кончая удобствами в гостинице. А вот уровень, престиж форума зависит прежде всего от его фильмов и их судей. Еще до открытия Московского международного смотра бурлили споры о его новом регламенте, о принципах отбора картин, о возможностях культурной программы и о будущих именитых гостях. И лишь одна новость примиряла и успокаивала преждевременные страсти профессионалов и публики — жюри нынешнего, XVI Московского фестиваля возглавил выдающийся польский режиссер Анджей Вайда. Перед высоким авторитетом такого мастера невольно отступили всякого рода сомнения и недовольства.

Первая же «звездная» пресс-конференция в Киноцентре была отдана Вайде — всем желающим поговорить со зна-

менитым режиссером по особому ПРОКовскому регламенту предлагалось задать ему за **45 минут 45 вопросов**. Но только не о кино и не о кинофестивале, так как председатель жюри по регламенту не имеет права оценивать фестивальную программу. При всей сложности правила игры удалось соблюсти, и словесный блиц-турнир с Вайдой стал одним из самых интересных событий в насыщенной культурной жизни фестиваля.

Сегодня мы предлагаем вам запись части разговора с режиссером.

— **Несколько лет вы предавались остракизму в советской прессе, теперь те времена позади — как вы себя ощущаете в этой связи?**

— Я всегда понимал, что тот этап был лишь временным явлением, и надеялся, что мои фильмы будут еще смотреть в СССР.

— **Кто из современных по-**

литиков не вызывает у вас раздражения?

— Я не принимаю политиков, которые заигрывают с нами. Время от времени истинный политик должен уметь сказать народу самую горькую правду.

— **Когда в 1982 году вышел ваш фильм «Дантон», снятый во Франции, Дантона сравнивали с Валенсой, а Робеспьера с Ярузельским. Как вы относитесь к такой трактовке?**

— Я думаю, что в истории что-то повторяется, но я сделал фильм именно о французской революции.

— **Если бы вам предложили стать во главе Польши, кого бы из современных деятелей вы взяли бы в свой кабинет?**

— Я бы не хотел дожить до того времени, когда странами будут управлять артисты.

— **А как же Рейган?**

— Рейган был не столько хорошим актером, сколько хорошим политиком.

— **Сейчас вы активно зани-**

маетесь общественной деятельностью. Не мешает ли это вашему творчеству?

— Разумеется, это мне мешает, но я уже занимаюсь творчеством 35 лет и кое-что у меня получилось. Я сделал свой театр, свое кино и сделал себе имя. Теперь это имя я отдаю Польше.

— **Как вы воспринимаете такое понятие — нравственность политиков?**

— Говорят, что политика и мораль — вещи разные. Но на практике великие политические перевороты на самом деле начинаются с нравственных изменений.

— **В каких вы отношениях с идеологией — вы ее раб, пылкий возлюбленный, тайный любовник или постылый муж?**

— Идеологию тех людей, которые в свое время создали организацию для защиты рабочих, я пытался по-своему выразить в своем творчестве. Так что я заложил и частицу моего труда во имя идеологии.

— **На протяжении истории отношения России с Польшей складывались порой трагически. Скажите, пожалуйста, какие явления в современной польской культуре противостоят этим порой проявляющимся антирусским настроениям?**

— Думаю, что мы, деятели культуры, сделали пока еще немного. Мой личный скромный вклад я вижу в том, пожалуй, что много раз пытался провести на польскую сцену произведения Ф. Достоевского, великого русского писателя, против которого существует определенное предубеждение в Польше. Бытует мнение в общечеловечности, что он говорил о поляках весьма скверно. Но я пытаюсь показать величие Достоевского и открыть в нем общечеловеческие ценности. Много сделали для этого переводчики-литераторы. Частично что-то удалось в театре и очень мало — в кино, где была самая строгая цензура.

— **А вы считаете нормальным, что такое многолюдное кинематографическое собрание говорит с вами только о политике, но не о кино?**

— Я рад, что мы наконец можем поговорить с вами здесь о политике.

— **Какой вопрос вы задавали себе в ваши 20 лет, и какой ставите перед собой сегодня?**

— Вопрос о судьбе моей родины. Это самый главный и существенный вопрос для всякого художника, который должен волновать и в 20 и в 50 лет.

— **Каждый выдающийся художник несет свой крест, на котором его потом и распинают. Какими бы были ваши «семь слов с креста»?** (Этот вопрос кинематографисты и журналисты признали лучшим на пресс-конференции. Однако он так и остался пока не ответченным).

— Сложно ответить сразу. Я бы хотел подумать серьезно и, если возможно, опубликовать ответ в советской прессе...

Н. ЛУКИНЫХ.